Е40—
616

Ив. Воробьев

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

(9-е ЯНВАРЯ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1925

Е40616

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

(9-е ЯНВАРЯ)

СОСТАВЛЕНО ИВ. ВОРОБЬЕВЫМ ПО ОЧЕРКАМ
М. ГОРЬКОГО и Д. СВЕРЧКОВА

2-е ИЗДАНИЕ.

16—45 тысяча.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА ◇ 1925

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ..... г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 34422
II-Гм-1925.
БИБЛИОТЕКА.

V
N Сф. 11086.

Главлит № 28127. Тираж 30 000 эк

Типогр. „Красный Пролетарий". Пименовская, д. 1/16.

Предисловие.

Русско-японская война, разразившаяся в 1904 г., больно ударила по рабочему классу России.

Больше года стояли фабрики, заказы не поступали, безработица росла.

Безработица охватила все крупные промышленные районы России, особенно большие размеры приняла она в западных губерниях в Польше, где безработные временами составляли половину рабочего населения.

В одном Петербурге насчитывалось до 60.000 безработных.

Рабочие волновались, понимая, что отсутствие заказов на фабриках и безработица вызваны, главным образом, войной.

В рабочих умах под влиянием нужды и непосильных лишений стала крепнуть мысль о необходимости выступления с заявлением о своих нуждах.

Царское правительство почувствовало, что начинает пахнуть революцией.

Чтобы иметь возможность влиять на развивающееся рабочее движение, правительство разрешило в столице сорганизоваться «Обществу русских фабричных и заводских рабочих города С.-Петербурга», каковое было открыто 11 апреля 1904 г.

Во главе «Общества» стал священник Георгий Гапон, несомненно связанный с царской «охранкой» и получавший от нее все указания.

Гапон, пользуясь поддержкой правительства, быстро и широко развернул работу «Общества», открыв 11 отделов его во всех районах Петербурга.

Гапон решил прежде всего посеять вражду среди рабочих к социал-демократам (так прежде назывались «большевики»), которые звали рабочих к революционным действиям.

Гапон и его агенты уверяли рабочих, что не ненавистью к царскому режиму, а покорностью и любовью к «обожаемому монарху» можно добиться улучшения своего положения.

Не требовать, а просить,—вот мысль, внушавшаяся Гапоном широким рабочим массам.

Социал-демократы предчувствовали, что вся гапоновская затея кончится предательством рабочих.

Когда же Гапон бросил в массы мысль итти

к царю с просьбой об улучшении условий их существования, то социал-демократы повели усиленную агитацию среди рабочих, чтобы предостеречь их от расстрела. «Социал-демократические агитаторы потеряли голоса и падали от усталости»,—говорит товарищ Троцкий, но было уже поздно.

Если Гапон сумел уговорить рабочих итти к царю, то Гапон не смог победить сознания рабочих, их ясного понимания своих задач и требований.

Об этом говорят их четкие социалистические требования: о 8-часовом рабочем дне, о созыве учредительного собрания и пр., которые они выставили в «петиции» (прошение к царю).

Чем объяснить успех Гапона?

Какая причина?

«Причина ясна,—говорит революционер-современник Сверчков.—Мы звали на борьбу, на лишения и жертвы, в тюрьму, на баррикады. Георгий Гапон поддерживал легенду о том, что царь ничего не знает о тех мучительствах, которые творятся над народом, что стоит пройти окружавшую его глухую стену чиновничества, как он сам ужаснется, разгонит всех стоящих кругом него и водворит справедливость».

Но ближайшие события, вошедшие в историю

под наименованием «9-е января», жестоко разубедили рабочих и заставили их взяться за революционные приемы отстаивания своих требований.

Даваемые ниже очерки очевидцев,—революционера Сверчкова и писателя Максима Горького,—живо и ярко изображают кравовое воскресенье 9 января 1905 г., о котором рабочие—участники его завещали нам помнить, говоря: «Нет, мы никогда не забудем этот день».

И. В.

I.

Как составлялось прошение к царю.

(Из книги Сверчкова «На заре революции»).

Крупнейший завод Петербурга—Путиловский, находящийся за Нарвской заставой, бастовал. Забастовка началась из-за увольнения двух рабочих и крайне вызывающего поведения мастера, на которого была предъявлена жалоба, но за которого горой встало все правление завода. Гапоновские собрания потому и пользовались успехом, что Гапон резко выступил в защиту рабочих и беспощадным образом клеймил заводскую администрацию.

Гапон указывал рабочим, что испробованы все средства в поисках справедливости, что больше уже некуда обращаться, как только к самому Николаю II. Гапон бросил в массы мысль пойти в ближайшее воскресенье—9-го января—с женами и детьми к Зимнему дворцу и искать защиты у царя. Призыв этот был принят без всяких оговорок. Массе казалось, что найден, наконец, верный путь к устранению вековой несправедливости. Решение казалось

ясным, простым и понятным всем без исключения.

Чаша терпения рабочего класса переполнилась. Рабочих трудно было сдерживать и успокаивать красивыми словами и разными постановлениями. Настал момент, когда рабочие стремились к действию, и это стремление совершенно верно было подмечено Гапоном. Он во-время сумел гнев рабочих направить по пути, который представлялся ему единственно возможным. Уже более недели продолжались речи и разговоры о притеснениях со стороны капиталистов, и обсуждалось происшествие на Путиловском заводе. Каждый раз сообщалось о том, что депутации были и у заводоуправления, и у фабричного инспектора, и у градоначальника, но толку никакого не выходило и дальше делать было нечего. Надо было или звать рабочих на восстание, на баррикады, или направить их стремления в какую-либо иную форму массового действия. Гапон нашел эту форму—итти с женами и детьми к царю. А дальше события уже шли помимо его воли. Остановить это действие он уже не мог, если бы даже и захотел.

Просьба, или, как называют, петиция на имя царя, которую предложил Гапон, служит лучшим историческим документом, в котором видно, как в зеркале, все настроения, охватывавшие рабочих в это время; глубокое сознание своего бесправия, непомерная тоска от отсутствия выхода, вера в существующую правду и спра-

Георгий Гапон.

ведливость. И, по мнению Гапона, все эти вопросы якобы царь должен был разрешить.

Политические требования, которыми оканчивалась петиция, внесены были в нее 6-го или 7-го января под влиянием социал-демократов. Вначале она содержала только просьбу воздействовать на администрацию Путиловского завода. Невольно возникло предположение о том, что Гапон, оторвавшийся от своих руководителей из охранки и увлеченный широким рабочим движением далеко за пределы ранее начертанного плана, почувствовал себя одиноким и, так или иначе, вошел в соглашение с отдельными социал-демократами на условиях включения в петицию ярких политических требований, с одной стороны, и воздержания от выступлений против Гапона—с другой. Ничем иным нельзя себе объяснить появление в петиции, написанной вначале в просительном детском тоне жалобы, целой политической программы, совершенно чуждой безграмотному в этих вопросах священнику от охранки.

7-го января в Петербурге началась всеобщая забастовка.

С вечера 7-го января в Нарвском районе происходило принятие петиции. Густой черной лентой тысячи рабочих стояли в очереди у дверей гапоновского собрания. Распорядители впускали внутрь группу в 400—500 человек, потом ожидали, пока через 30—40 минут эта группа выходила на двор через задние двери,

и тогда впускали новую. Порядок был образцовый.

Большой зал собрания быстро наполнялся рабочими. На возвышении у столика сидели: Гапон, рядом с ним председатель Нарвского отдела—рабочий и секретарь. Гапон встал, взял лист бумаги и сказал:

— Итак, братья, мы решили все вместе с нашими женами и детьми в воскресенье 9-го января итти к Зимнему дворцу и просить у государя защиты. Я уже предупредил об этом министра внутренних дел, послав ему следующее письмо: «Ваше высокопревосходительство! Рабочие и жители города Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя 9-го сего января, в воскресенье, в 2 часа дня, на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русского народа. Царю нечего бояться: я, как представитель «Общества русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», мои сотрудники, товарищи рабочие, даже все так-называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем, к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор существовала между русским царем и русским народом. Ваш долг, вели-

кий нравственный долг перед царем и всем русским народом—немедленно, сегодня же, довести до сведения его императорского величества как вышесказанное, так и прилагаемую здесь нашу петицию. Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи народа мирно, с верой в него решили бесповоротно итти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифесте к нам. Копия с сего, как оправдательный документ нравственного характера, снята и будет доведена до сведения всего русского народа. Мы передадим государю нашу просьбу, и все, как один, будем просить его выполнить то, что в ней написано.

А написано в ней следующее:

«Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

«И вот мы бросили работу и заявили нашим

хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немногого просим,—мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, — нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

«Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба—преступление, а наше желание улучшить наше положение—дерзость, оскорбительная для них.

«Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это—люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить,

думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека—значит совершить тяжкое преступление. Весь народ, рабочие и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, не только совершенно не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что уходят деньги, собираемые с обнищавшего народа. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

«Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть,—умереть всем нам, трудящимся лю-

дям всей России! Пусть живут и наслаждаются капиталисты — эксплоататоры рабочего класса, и чиновники—казнокрады и грабители русского народа.

«Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбросить с себя невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между собой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь, ты поставлен на счастье народа, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь, ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же, призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и

капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель,—пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания; для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов.

«Это—самая главная наша просьба: в ней и на ней зиждется все. Это—главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешовый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского министерств должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом немедленно.

6) Нормальная заработная плата немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих немедленно.

«Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

«Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы. Мы охотно приносим ее».

— Все ли согласны с петицией?—спросил Гапон собравшихся.

— Все... Все...—загудела толпа.

— В воскресенье, к 9 часам, собирайтесь все сюда. Отсюда и пойдем.

Поднялся председатель Нарвского отдела и сказал:

— Смотрите, чтобы были порядок и спокой-

ствие. Ни у кого не должно быть никакого оружия. Если увидите у кого револьвер или кто попытается выкинуть красный флаг, хватайте его: это враг наш. Смотрите зорко кругом и охраняйте порядок.

После этого напутствия толпу пригласили выходить в другую дверь на двор. От выходной двери вниз спускалась небольшая лестница. По бокам ее стояли четверо рабочих и каждого из спускавшихся поддерживали под-руки:

— Смотрите, товарищи, не поскользнитесь...

Настроение толпы было спокойно-торжественное. Некоторые из социал-демократов пытались говорить, что неизвестно еще, примет ли царь, и не натравит ли он полицию. Их резко обрывали. Чувствовалось, что в глубине сердца каждого это было больное место, которое боялись обнаружить перед другими, но над которым каждый думал тяжелую думу.

— Как же это, братцы, выйдет?—спрашивал какой-то пожилой чернорабочий.—Не пойму я... Вот мы пойдем к царю... Зачем? Что мы ему скажем? Как он нас примет? Сомневаюсь я...

Другой отвечал ему:

— Что тут понимать? Нам понять трудно. Мы—люди темные. Возьмемся за длинные волосы батюшкины, и, куда он пойдет, туда и мы потянемся. Он знает...

То же самое происходило и 8-го января. У входа в собрание стояли кружки, в которые посетителей просили положить на нужды рабочих,

кто сколько может. Звякали медные пятаки, сыпалось мелкое серебро, а иногда и тяжелые рубли.

Руководители газет волновались. Собирали редакторов всех без исключения газет. Предлагали в номере от 9-го января поместить целиком петицию рабочих к царю. Но из этого предложения ничего не вышло, ибо черносотенные газеты, конечно, не согласились на это, а либеральные не хотели принимать риска только на себя.

Собрание «Союза писателей» решило послать к министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому особую депутацию с тем, чтобы повлиять на него и просить не применять к рабоним оружия, ибо глухие слухи о мобилизации войск и полиции для разгона рабочего шествия уже ходили по городу. В депутацию вошли: М. Горький, Н. Ф. Анненский и другие. Депутация была принята министром, изложила перед ним свои тревоги и опасения по поводу предстоящего шествия рабочих, но получила ответ, что от князя Святополк-Мирского, к сожалению, ничего не зависит, что, конечно, он употребит свое влияние, но решить ничего не может. Министр намекнул, что этот вопрос решается «выше».

II.

По дороге к царю.

(Очерк из книги М. Горького «9-е января»).

...Толпа напоминала осенний темный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури; она текла вперед медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны.

Глаза блестели возбужденно, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе. Слова кружились над толпой, как маленькие серые птицы.

Говорили негромко, серьезно, как бы оправдываясь друг перед другом.

— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тронется..

— Разве «он» это не поймет?..

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

— Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздраженными всплесками криков толпы:

— Мы желаем открыто...

— Ты, брат, молчи!..

— К тому же отец Гапон...

— Он знает, как надо...

День был такой же пестрый, как настроение

толпы. На небе между серых облаков являлось солнце, освещало лица холодным блеском и исчезало вновь, покрывая их одноцветной тенью неуверенности.

В речах ясно звучало желание найти могущество титаническое, руку, добрую и способную сразу остановить движение всей жизни, направить ее в более широкое, свободное русло. Переливаясь из улицы в улицу, масса людей быстро росла, и этот рост внешний постепенно вызывал ощущение внутреннего роста, будил сознание права народа-раба просить у власти внимания к своей нужде.

— Мы тоже люди, как-никак...

— «Он», чай, поймет,—мы просим...

— Должен понять!.. Не бунтуем...

— Опять же отец Гапон...

— Товарищи! Свободу не просят...

— Ах, господи!..

— Только бы допустили нас...

— Да погоди ты, брат!..

— Гоните его прочь, дьявола!..

— Отец Гапон лучше знает, как...

Когда людям необходима вера,—она приходит... К ним приходит все, чего они сильно хотят...

Высокий человек в черном пальто, с рыжей заплаткой на плече, встал на тумбу и, сняв шапку с лысой головы, начал говорить громко, торжественно, с огнем в глазах и дрожью в голосе. Говорил о «нем».

Но и в словах, и в тоне сначала чувствовалось что-то искусственно приподнятое, не слышно было в его речи того чувства, которое способно заражать других, может создавать почти чудеса. Казалось, человек насилует себя, пытаясь разбудить и вызвать в памяти образ давно безжизненный, стертый временем, безличный. Он был всегда, всю жизнь, далек от человека, но сейчас стал необходим ему—в него человек хотел вложить свои надежды.

Слова оратора, громкие, понятные, понятно рисовали существо властное, доброе, справедливое, отечески-внимательное к нужде народа.

Вера приходила, обнимала людей, возбуждала их, угашая тревоги слабо всколыхнувшегося сознания, заглушая тихий шопот сомнений... Люди торопились поддаться давно жданному настроению, они стискивали друг-друга в огромный ком единодушного тела, и плотность, близость плеч и боков согревала сердца теплотой надежды на успех.

Лица загорались, глаза сверкали ярче, ускорялся шаг, быстрота движения тела еще больше волновала душу. Все увеличивалась масса толпы, на улице стало теплее, голоса звучали с большей силой. . . .

— Не надо нам красных флагов!—кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем!..
— Так!
— Верим ему!..
— Не даст в обиду!
— Красный цвет—цвет нашей крови, товарищи!—упрямо звучал над толпой одинокий звонкий голос.
— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа!
— Толпа, опьяняясь своим настроением, обрадованная тем, что, наконец, пришло оно и крепко обняло ее, ворчала.
— Не надо!..
— «Он» поймет.
— Вот человек, ах ты...
— Ежели до него допустят...
— Смутьяны, черти!..
— Отец Гапон—с крестом, а он—с флагом.
— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать...
— Мы желаем мирно!
Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и откуда раздраженно и тревожно кричали:
— Гони его, с флагом!..
Кто-то кричал:
— «Он»? «Он» нас любит!..
Несомненно, что масса людей искренно верила в эту любовь существа, ею же только-что созданного. И многие восторженно любовались воскрешенным образом полубога.
Когда толпа вылилась из улицы на берег реки к Троицкому мосту и увидела перед собой длин-

ную ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост, — людей не остановила эта тонкая серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг-друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом, — там ждал их «он», хозяин дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали до него народ, который его любит и желает мирно говорить с ним о своих нуждах.

Но все-таки на многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, все старались показать друг-другу, что о солдатах они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам!..

— Н-да а...

— А надо стоять!

— Солдаты — для порядка.

— Спокойно, ребята!.. Смирно!

— Иди, иди!...

— Ура, солдаты! — крикнул кто-то.

Офицер в желтом башлыке на плечах выдернул из ножен саблю и тоже что-то кричал

толпе, помахивая в воздухе изогнутой полоской стали. Солдаты встали неподвижно плечо к плечу друг с другом.

— Чего это они?—спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем как-то вдруг стало трудно итти.

— Назад! — донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулось: позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей. Толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышли вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали.

— Мы—к государю нашему...

— Вполне спокойно!..

— Назад! Я прикажу стрелять!...

Когда голос офицера долетел до толпы, она ответила его словам гулким эхом удивления. О том, что не допустят до «него», некоторые из толпы говорили и раньше, но чтобы стали стрелять в народ, который идет к «нему» спокойно, с верою в его силу и доброту, это нарушало цельность созданного образа. «Он» — сила выше всякой силы, и ему некого бояться, ему не зачем отталкивать от себя свой народ штыками и пулями... Угроза стрелять была необъснима, обидна...

Худой, высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять? Не смеешь!..

И обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что! Говорил я, не пустят они...

— Кто? Солдаты?

— Не солдаты, а там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... Ага? Я же говорил!

— Это еще неизвестно...

— Узнают, зачем идем,—пустят!

Шум рос, были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестели острия штыков.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с плакатами, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все,—мужчины; женщины, подростки,—тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба? К чему она?—солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде,— Просто они не пускают на мост... дескать, идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми...—не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперед, на штыки, вытянутые встречу ей. За нею бросились еще люди и еще, охватывая ее, забегая вперед нее.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски,—точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлеснулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей. Люди падали по-двое, по-трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков острой боли, мести, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь.

Наклонив головы, люди группами бросились вперед подбирать мертвых и раненых. Раненые тоже кричали, грозили кулаками, все лица вдруг стали иными, и во всех глазах сверкало что-то почти безумное. Паники,—того состояния об-

щего черного ужаса, который вдруг охватывает людей извне и изнутри, сметает тела, как ветер сухие листья в кучу, затягивает их в невидимую сеть и слепо тащит, гонит всех куда-то в диком вихре стремления спрятаться от самих себя,—паники не было. Был ужас, но холодный, жгучий, как промерзшее железо, он ледянил сердце, стискивал тело и заставлял смотреть широко открытыми глазами на кровь, поглощавшую снег, на окровавленные лица, руки, одежды, на трупы людей, страшно спокойные в тревожной суете живых. Было едкое возмущение, тоскливо-бессильная злоба, много растерянности и много странно неподвижных глаз, нахмуренных угрюмо бровей, крепко сжатых кулаков, судорожных жестов и резких слов. И казалось, что больше всего этого в груди людей влилось холодного, мертвящего душу изумления. Ведь, несколько ничтожных минут назад они шли бодро, ясно видя перед собою цель пути, пред ними величаво стоял сказочный образ царя, они им любовались, влюблялись в него и, охмеленные его красотой, ими же созданной, питали души свои великими надеждами. Два залпа, кровь, трупы, стоны,—и все встали перед бездонной серой пустотой, одинокие, бессильные, с разорванными сердцами, объятые ощущением большой утраты, смутным сознанием необходимости скорее заполнить чем-то новым зияющую пустоту души, изгнать из груди этот щемящий холод.

И видимо всем было трудно расстаться с «его» образом, который еще никогда не был так близок, нужен, светел.

Люди топтались на одном месте, точно опутанные чем-то, чего не могли разорвать; одни молча и озабоченно носили раненых, подбирали трупы, другие точно во сне и точно издали смотрели на их работу, ошеломленно, в странном бездействии. Многие кричали солдатам слова упреков, ругательства и жалобы, размахивали руками, снимали шапки, зачем-то кланялись, грозили чьим-то страшным гневом...

Солдаты стояли неподвижно, опустив ружья к ноге, лица у них были тоже неподвижные, кожа на щеках туго натянулась, скулы остро высунулись. Казалось, что у всех солдат белые глаза и смерзлись губы...

В толпе кто-то кричал истерически громко.

— Ошибка! Ошибка вышла, братцы!.. Не за тех приняли... Не верьте!.. Иди, братцы... надо объяснить!.. Ах, господи... ведь, это что же?

— Гапон—изменник!—вопил подросток-мальчик, влезая на фонарь.

— Что, товарищи, видите, как встречают вас?..

— Постой... это ошибка... не может этого быть, ты пойми! Али ты не человек?..

— Это вы не люди, вы—овцы, стадо, и вот как вас...

— Пропусти... сторонись...

— Дай дорогу раненому!..

Двое рабочих и женщина вели высокого ху-

дого человека; он был весь в снегу, из рукава его пальто стекала кровь. Лицо у него посинело, заострилось еще более, и темные губы, слабо двигаясь, прошептали.

— Я говорил... не пустят... они его скрывают... что им народ...

— Ребята... конница!..

— Беги!..

Стена солдат поколебалась и растворилась, как две половины деревянных ворот; танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик офицеров, над головами конницы взвились, разрезав воздух, сабли, замахнулись все в одну сторону. Толпа стояла и качалась, волнуясь, ожидая, не веря.

Стало тише.

— Ма-арш!—раздался неистовый крик.

Как-будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толкая и опрокидывая друг-друга, кидая раненых, прыгая через трупы. Тяжелый топот лошадей настигал, солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, порою был слышен свист стали и удар ее о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон...

— А-а-а!..

Солдаты взмахивали саблями и опускали их на головы людей, и вслед за ударом тела их наклонялись на-бок. Лица у них были красные,

безглазые и точно опухшие. Ржали лошади, страшно оскаливая зубы, взмахивая головами...

Народ загнали в улицы... И тотчас же, как только топот лошадей исчез вдали, люди остановились, задыхаясь, взглянули друг на друга выкатившимися глазами. На многих лицах явились виноватые улыбки, и кто-то засмеялся, крикнув:

— Ну, и бежал же я!..

— Тут побежишь!..— ответили ему.

И вдруг со всех сторон посыпались восклицания изумления, испуга, злобы...

— Что же это, братцы, а?

— Убийство идет, православные!

— За что?

— Вот так правительство!

— Рубят, а? Конями топчут...

Недоуменно мялись на месте, делясь друг с другом своим возмущением, и все были полны им. Не понимали, что нужно делать, никто не уходил, каждый прижимался к другому, стараясь, видимо, найти какой-то выход из пестрой путаницы чувств, смотрели с тревожным любопытством друг на друга и все-таки, более изумленные, чем испуганные, чего-то ждали, прислушиваясь и оглядываясь. Все были слишком подавлены и разбиты изумлением, оно лежало сверху всех чувств, мешало слиться настроению более естественному в эти неожиданные, страшные, бессмысленно ненужные минуты, пропитанные кровью невинных...

Молодой голос энергично позвал:

— За ранеными, эй! Идите подбирать раненых!

Все встрепенулись, быстро пошли к выходу на реку. А навстречу им в улицу вползали по снегу и входили, шатаясь на ногах, изувеченные люди, в крови и снегу. Их брали на руки, несли, останавливали извозчиков, сгоняя седоков, куда-то увозили. Все стали озабочены, угрюмы, молчаливы. Рассматривали раненых как бы взвешивающими глазами, что-то молча измеряли, сравнивали, углубленно искали ответа на странный вопрос, встававший перед ними неясной, бесформенной черной тенью... Он заслонял, уничтожал образ недавно выдуманного героя, источника милости и блага. Но лишь немногие решались вслух сознаться, что этот образ уже разрушен. Сознаться в этом было трудно,—ведь это значило лишить себя единственной надежды...

Шел лысый человек в пальто с рыжей заплатой, его тусклый череп теперь был окрашен кровью, он опустил плечо и голову, ноги у него подламывались. Его вели широкоплечий парень без шапки с курчавой головой и женщина в разорванной шубке с безжизненным, тупым лицом.

— Погоди, Михайло... как же теперь?—бормотал раненый.—Стрелять без приказания в народ... не разрешается... Не должно это быть, Михайло.

— А вот было!—раздался крик.

— И стреляли... и рубили...—уныло заметила женщина.

— Значит, приказание было на это, Михайло...

— И было!—злобно крикнул парень.—А ты думал с тобой разговаривать станут? Вина стакан поднесут?

— Погоди, Михайло...

Раненый остановился, опираясь спиной о стену, и громче заговорил:

— Православные!.. За что нас убивают? По какому закону?.. По чьему приказу?

Люди шли мимо него и опускали голову.

В другом месте, на углу у забора, собрались несколько десятков людей, и в середине их чей-то быстрый, задыхающийся голос звучал тревожно и злобно:

— Гапон вчера был у министра, он знал все, что будет—значит он изменник нам, значит он повел нас на смерть.

— Какая ему польза?

— А я знаю? Какая польза народ убивать? Кто это знает?

Всюду разгоралось волнение, перед всеми вставали вопросы, еще неясные, но уже каждый чувствовал их важность, глубину. суровый тон, настойчивое требование ответа. В огне волнения все более быстро истлевала вера в помощь извне, надежда на чудесного избавителя от нужды.

Посреди улицы шла женщина, полная, плохо

одетая, с добрым лицом матери, с большими грустными глазами. Она плакала и, поддерживая правой рукой окровавленную левую, говорила:

— Вот изувечили... как буду работать? Чем кормить детей?.. И кому мне жаловаться?.. Православные, где же у народа защитники, если и царь против него? Православные, куда нам итти?

Ее вопросы, громкие и ясные, как-будто разбудили людей, всколыхнули и встревожили их. К ней быстро подходили, бежали со всех сторон и, останавливаясь, слушали ее слова угрюмо и внимательно.

— Значит народ—один? Нет для него закона, нет ему помощи? Как будем жить теперь? На что надеяться?

Молчали. У некоторых вырывались вздохи. Другие негромко ругались. Откуда-то пронесся резкий, злой крик.

— Да!.. Получил помощь,—сыну ногу разбили...

— Петруху на-смерть!..

Этих криков было много в улице, они хлестали по ушам людей и, все чаще вызывая мстительное эхо, резкие отзуки, будили общее всем чувство озлобления, сознание необходимости защищаться от убийц. На бледных лицах выступало некое решение.

— Товарищи! Мы все-таки идемте в город... Быть-может, чего-нибудь добьемся... Идемте понемногу!

— Перебьют...

— Давайте говорить солдатам... может, они поймут, что нет закона убивать народ!

— А может есть... Почему мы знаем?

— Кто за нас? Кто против нас?

Толпа медленно, но неуклонно изменялась, перерождаясь в народ. Молодежь расходилась небольшими группами, все они шли в одну сторону, снова к реке. И все несли раненых, убитых, пахло теплой кровью, раздавались стоны, возгласы.

— Якову Зимину прямо в лоб...

— Спасибо батюшке-царю!

— Да-а... встретил!

Раздалось несколько крепких слов. Даже за одно из них четверть часа назад толпа разорвала бы человека в клочья.

Маленькая девочка бежала и кричала всем:

— Не видали маму? Большая такая!

Люди молча оглядывались на нее и, точно боясь ее, уступали ей дорогу.

Потом раздался голос женщины с раздробленной рукой:

— Здесь, здесь я...

Улица пустела. Молодежь уходила все быстрее. Пожилые люди угрюмо, не спеша, тоже шли куда-то по-двое и по трое; исподлобья смотрели вслед молодым. Все знали, о чем думает каждый. Говорили мало... Лишь порой кто-нибудь, не сдержав горечи в душе, восклицал негромко:

— Значит народ отбросили теперь?..

И голос более едкий болезненно вскрикивал.

— Убийцы проклятые... что сделали?

Сожалели об убитых людях, догадываясь, что убит также один тяжелый, рабский предрассудок.

III.

У царя.

(Очерк из книги М. Горького «9-е января»).

...Вокруг жилища царя стояли плотной, неразрывной цепью солдаты, под окнами дворца, на площади расположилась конница. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец, лязг сабель, звон шпор, команда, топот колебались под окнами.

Со всех сторон на солдат напирали плотной массой люди, десятки тысяч возмущенных, холодно озлобленных людей. Говорили они спокойно, но как-то особенно веско, новыми словами и с новой надеждой, едва ли ясной для них. Стояла рота солдат, опираясь одним плечом о стену здания, другим—о железную решотку сада, она преграждала дорогу на площадь, к дворцу. Вплоть к ней, лицом к лицу подошла толпа, бесчисленно большая, немая, черная.

— Расходись, господа! — вполголоса говорил фельдфебель, безуспешно стараясь спрятать обес-

покоенные глаза. Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы нас не пускаете?—спрашивали его.

— Куда?

— К царю!

Фельдфебель на секунду остановился и с чуством, похожим на уныние, воскликнул:

— Да я же говорю: нет его!

— Царя нет?

— Ну да! Сказано вам: нет, и ступайте!

— Совсем нет царя?—настойчиво допрашивал иронический голос.

Фельдфебель снова остановился, поднял руку.

— За такие слова... берегись!

И другим тоном объяснил:

— В городе нет его.

Из толпы ответили:

— Нигде его нет!

— Кончился!..

— Расстреляли вы его, дьяволы!

— Вы думали: народ убиваете?

— Народ не убьешь! Его на все хватит...

— Вы царя убили... понимаете?

— Отойди, господа!.. Не разговаривай!

— Нет врешь!.. Я поговорю!

В другом месте старичок с бородкой клином воодушевленно говорил солдатам:

— Вы—люди, мы—тоже! Сейчас вы в шинелях, завтра—в кафтанах. Работать захотите, есть

понадобится. Работы нет, есть нечего. Придется и вам, ребята, так же вот, как мы... Стрелять, значит, в вас надо будет? Убивать за то, что голодаете вы, а?

Солдатам было холодно. Они переминались с ноги на ногу, били каблуками в землю, терли уши, перебрасывая ружья из руки в руку. От их серой, скучной линии веяло усталостью, бессилием, тоской.

Люди стояли против них грудь с грудью и, подаваясь толчками сзади, порой толкали солдат.

— Тише!—негромко отозвался серый человек.

Иные брали солдат за руки, горячо говоря им что-то. Солдаты слушали, мигая, лица кривились неопределенными гримасами, и нечто жалкое, робкое являлось на них.

— Не трог ружо!—сказал один из них молодому парню в мохнатой шапке. А тот тыкал солдата пальцем в грудь и говорил:

— Ты солдат, а не палач... Тебя позвали защищать Россию от врагов внешних... а заставляют расстреливать народ... Пойми. Народ—это и есть Россия!

— Мы не стреляем!—ответил солдат.

— Гляди, вот стоит Россия, русский народ! Он желает видеть своего царя...

Кто-то перебил речь, крикнув:

— Не желает!

— Что в том худого, что народ захотел поговорить с царем о своих делах? Ну, скажи, а?

— Не знаю я!—сказал солдат, сплевывая.

Сосед его добавил:

— Не велено нам разговаривать...

Уныло вздохнул и опустил глаза.

Много глаз смотрело в широкое, приплюснутое лицо длинной линии солдат с холодным молчаливым любопытством, с презрением, гадливостью. Но большинство пыталось разогреть их огнем своего возбуждения, пошевелить что-то в крепко сжатых казармой сердцах, в головах, засоренных хламом казенной выучки. Большинство людей хотело что-нибудь делать, как-нибудь воплотить свои чувства и мысли в жизнь, и упрямо билось об эти серые холодные камни, желавшие одного—согреть свои тела.

Все горячее звучали речи, все более ярки становились слова.

— Солдаты!—говорил плотный мужчина, с большой бородой и голубыми глазами.—Кто вы? Вы дети русского народа. Обеднял народ, забыт он, оставлен без защиты, без работы и хлеба. Вот он пошел сегодня просить царя о помощи, а царь велит вам стрелять в него, убивать. Солдаты! Народ—отцы и братья ваши—хлопочет не только за себя, но и за вас. Вас ставят против него, против народа, толкают на отцеубийство, братоубийство. Подумайте! Разве вы не понимаете, что против себя же идете?

Этот голос, спокойный и ровный, хорошее лицо и седые волосы в бороде, весь облик человека и его простые, верные слова, видимо,

волновали солдат. Опуская глаза перед его взглядом, они слушали внимательно, иной, покачивая головой, вздыхал, другие хмурили брови, оглядываясь, кто-то негромко посоветовал:

— Отойди... офицер услышит!

Офицер — высокий, белобрысый немец с большими усами—медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:

— Ра-азайдись... па-шел прочь!.. Что? Па-агавари... я тебе пагаварю!..

Лицо у него было толстое, красное, глаза круглые, светлые, но без блеска. Он шел, не торопясь, твердо ударяя ногами в землю, но с его приходом время полетело быстрее, точно каждая секунда торопилась исчезнуть, боясь наполниться чем-то оскорбляющим, гнусным. За ним точно вытягивалась невидимая линейка, ровняя фронт солдат, они подбирали животы, выпячивали груди, посматривали на носки сапог. Некоторые из них указывали людям глазами на офицера и делали сердитые гримасы. Остановясь на фланге, офицер крикнул:

— Смирно-о!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись!—сказал офицер и не торопясь вынул из ножен шашку.

Разойтись было физически невозможно,— толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ.

На офицера смотрели с ненавистью, он слы

шал насмешки, ругательства, но стоял под их ударами твердо, неподвижно. Его взгляд мертво осматривал роту, брови чуть-чуть вздрагивали. Публика шумела, ее раздражало это спокойствие, слишком нечеловеческое, чтобы быть уместным в эти минуты. В нем чувствовалось явное презрение к людям, к народу.

— Этот скомандует!

— Мясник...

— Он без команды готов рубить...

— Ишь, вытащил селедку-то...

— Эй, барин! Убивать готов?

Разрастался буйный задор, являлось чувство какой-то беззаботной и безнадежной удали, крики звучали громче, насмешки—резче.

Фельдфебель взглянул на офицера, вздрогнул, побледнел и тоже быстро вынул саблю.

Вдруг раздалось тревожное, зловещее пение рожка. Публика смотрела на горниста,—он так странно надул щеки и выкатил глаза, рожок дрожал в его руке и пел слишком долго. Люди заглушили гнусавый, медный крик громким свистом, воем, визгом, возгласами проклятий, словами укоров, стонами тоскливого бессилия, криками отчаяния и удальства, вызванного ощущением возможности умереть в следующий миг и невозможностью избежать смерти. Уйти от нее было некуда. Несколько темных фигур бросились на землю и прижались к ней, иные закрывали руками лица, а человек с большой бородой распахнул на груди пальто и стоял

впереди всех, глядя на солдат голубыми глазами. И говорил, все говорил им что-то неслышное, утопавшее в хаосе криков.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на-прицел, и все оледенели в однообразной позе, вытянув к толпе штыки.

Было видно, что линия штыков висела в воздухе неспокойно, неровно: одни слишком поднялись вверх, другие наклонились вниз, лишь немногие смотрели прямо в груди людей, и все они казались мягкими, дрожали и точно таяли.

Чей-то голос громко с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули, испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулею на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами. Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Проклятые!—крикнул кто-то.

Стало просторней и тише. Задние убегали в улицы, во дворы, толпа тяжело отступала, повинуясь невидимым толчкам. Между нею и солдатами образовалось несколько сажен земли, сплошь покрытой телами. Одни из них встава-

ли быстро и быстро отбегали к людям, другие поднимались с тяжелыми усилиями, оставляя за собой пятна крови, они, шатаясь, тоже куда-то шли, и кровь текла вслед за ними. Много людей лежало неподвижно и вверх лицом, и вниз, и на боку, но все вытянувшись, в странном напряжении тела, схваченного смертью и точно вырывавшегося из рук ее...

Толпа, отступая, ахала, проклятия, ругательства и крики боли сливались в пестрый вихрь со свистом, уханьем и стонами, солдаты стояли твердо и были так же неподвижны, как мертвые. Лица у них посерели, и губы плотно сжались, точно все эти люди тоже хотели кричать и свистеть, но не решались, сдерживались. Они смотрели прямо перед собой широко открытыми глазами и уже не мигали. В этом взгляде, пустом, глубоком и прозрачном, как сырой воздух осеннего дня, не горело, не было заметно что-либо человеческое, казалось, что они не видят ничего, эти опустошенные, мутные точки на серых вытянутых лицах. Не хотят видеть, может-быть, тайно боятся, что, увидав теплую кровь, пролитую ими, еще захотят пролить ее. Им было холодно, ружья дрожали в их руках, штыки колебались, сверлили воздух... Но эта дрожь тела не могла разбудить тупого бесстрастия в грудях людей, сердца которых были погашены гнетом насилия над волей, мозги туго оклеены противной, гнилой ложью. С земли поднялся бородатый голубоглазый человек и

Расстрел рабочих у Зимнего дворца 9-го января 1905 г.

снова начал говорить рыдающим голосом, весь вздрагивая:

— Меня не убили... Это потому, что я говорил вам святую правду...

Толпа снова угрюмо и медленно подвигалась вперед, убирая мертвых и раненых. Несколько человек встало рядом с тем, который говорил солдатам, и тоже, перебивая его речь, кричали, уговаривали, упрекали, беззлобно, с тоской и состраданием. В голосах все еще звучала наивная вера в победу правдивого слова, желание доказать бессмыслие и безумие жестокости, внушить сознание тягостной ошибки. Старались и хотели заставить солдат понять позор и гадость их невольной роли...

Офицер вынул из чехла револьвер, внимательно осмотрел его и пошел к этой группе людей. Она сторонилась от него не спеша, как сторонятся от камня, который небыстро катится с горы. Голубоглазый бородатый человек не двигался, встречая офицера словами горячей укоризны, широким жестом указывая на кровь вокруг,

— Чем это оправдать, подумайте? Нет оправдания!

Офицер встал перед ним, озабоченно насупил брови, вытянул руку. Выстрела не было слышно, был виден дым, он окружил руку убийцы раз, два и три. После третьего раза человек согнул ноги, запрокинулся назад, взмахивая правой рукой, и упал. К убийце бросились со всех

сторон,—он, отступая, совал ко всем свой револьвер... Какой-то подросток упал под ноги ему, он его ткнул шашкой в живот... Кричал ревущим голосом, прыгал во все стороны, как упрямая лошадь. Кто-то бросил ему шапкой в лицо, бросали комьями окровавленного снега. К нему подбежали фельдфебель и несколько солдат, выставив вперед штыки, тогда нападавшие разбежались. Победитель грозил саблей вслед им, а потом вдруг опустил ее и еще раз воткнул в тело подростка, ползавшего у его ног, теряя кровь.

И снова гнусаво запел рожок. Люди быстро очищали площадь пред этим звуком, а он тонко извивался в воздухе и точно дочерчивал пустые глаза солдат, храбрость офицера, его красную на конце шашку, растрепавшиеся усы...

Живой, красный цвет крови раздражал глаза и притягивал их к себе, возбуждая хмельное и злобное желание видеть его больше, видеть всюду. Солдаты как-то насторожились, двигали шеями и, кажется, искали глазами еще живых целей для своих пуль...

Офицер стоял на фланге и, взмахивая шашкой, что-то кричал отрывисто, гневно, дико...

С разных концов в ответ ему неслись крики:

— Палач!

— Мерзавец!

Он начал приводить в порядок свои усы.

IV.

После 9 го января.

(Из книги Сверчкова «На заре революции»).

Бойня 9-го января была решена и организована великими князьями Сергеем и Владимиром Александровичами и генералом Треповым, которые получили поручение от Николая II «заняться этим делом»...

По сведениям, собранным организованной потом специальной комиссией (в которую вошли передовые петербургские адвокаты), в больницы Петербурга было привезено за 9-е января 1216 убитых и свыше 5000 раненых. А сколько трупов попало в полицейские участки, а оттуда было вывезено ночью и зарыто в первой яме?!

Отношение всего населения к войскам, а особенно к офицерам, слелалось резко враждебным. Недаром по рукам впоследствии ходило написанное кем-то стихотворение, высмеивающее армию:

Вот, наконец, сошел на наши флаги
Победный луч удачи боевой.
Там, в Порт-Артуре, отдали мы шпаги,
Зато на Невском [1]), полные отваги,
Мы ринулись—и выиграли бой.

Они пошли к царю толпой голодной,
Чтоб рассказать нужду и скорбь свою...
Мы бросились на них, и снег холодный
Горячей алой кровию народной
Окрасили мы в доблестном бою.

---

[1]) Невский проспект,—так называлась главная улица Петербурга.

О, славный час! Победы нашей рати
Ждала вся Русь. Давно была пора!
Пускай погибли сотни наших братий,
И Русь полна рыданий и проклятий,
Но спасена честь армии! Ура!

Вечером 9-го января собралось большое количество народа в Вольно-Экономическом обществе. Приходили все новые и новые люди и рассказывали о том, что они видели, и что происходит на улицах. Кто-то принес известие, что толпа народа перебила камнями окна во дворце великого князя Сергея Александровича (на углу Невского и Фонтанки, против Аничкова дворца).

Вдруг на хорах зала появилась хорошо знакомая всем фигура писателя Максима Горького. Он попросил слова и сказал, что один из близких друзей Георгия Гапона хочет от его имени сделать сообщение. Рядом с ним стал тот, про которого он говорил. Это был остриженный и переодетый в штатское платье Георгий Гапон. Он начал говорить. Его бледное лицо отражало следы сильнейших мучений. Глаза его горели. Голос дрожал.

Он сказал, что Георгию Гапону удалось скрыться, что он будет теперь продолжать борьбу другими средствами, и что он написал письмо к рабочим, копия которого может быть оглашена. Он прочитал письмо, начинавшееся словами:

«Родные, кровью спаянные братья». В письме говорилось о зверстве царя, призывались про-

клятия на его голову, и рабочие призывались к революционной открытой борьбе.

Письмо это было тут же перед этим написано Максимом Горьким. Оно было широко распространено по Петербургу, а потом и по всей России вместе с петицией и описанием событий 9-го января. На собрании был поставлен вопрос, что делать. Нашелся один подозрительный тип, который предложил записаться немедленно у него тем, кто хочет принять участие в вооруженных действиях.

Решили написать призыв к войскам, выясняющий весь позор их поведения и призывающий их перейти на сторону революции. Проект такого призыва был оглашен и принят всеми без исключения. Кто-то предложил подписать этот призыв своими фамилиями с указанием званий и адресов. Громадным большинством было принято и это предложение. Немедленно появились листы, на которых все стали расписываться.

Этот шаг был революционным. Все понимали, что обращение от определенных лиц, из которых имена многих были известны всему Петербургу, может оказать несравненно большее влияние на слепое офицерство, чем анонимные прокламации. Подлинник воззвания и листы с подписями были переданы для распубликования совету Вольно-Экономического общества. Через несколько дней это воззвание было отпечатано в большом количестве, но... без всяких подписей: либеральное «благоразумие» победило...

10-го и 11-го января убийства и зверства на улицах еще продолжались.

Знал ли обо всем этом царь? Дневник его, увидевший свет в последнее время, не оставляет никаких сомнений насчет этого. Вот что написал Николай II в своем дневнике 9-го января 1905 года:

«Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 человек. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

После 9-го января начались аресты. Был заключен в Петропавловскую крепость Максим Горький. Только горячий протест крупнейших общественных деятелей и писателей Европы вырвал его оттуда. Члены депутации «Союза писателей», ездившие к министру внутренних дел, были арестованы. Арестовывались пачками председатели и секретари гапоновских отделов. Тюрьмы быстро переполнились сверх всякой нормы. В одиночках сидело по нескольку человек в каждой.

Похороны жертв 9-го января происходили в огромном большинстве случаев тайком. Полиция забирала по ночам трупы из участков и больниц и вагонами везла на Преображенское клад-

бище. Однако, некоторые из убитых были похоронены при огромном стечении народа. Громадное количество собравшихся проводить убитых товарищей не могло уместиться на кладбище. Полиция, казаки и жандармы были мобилизованы в большом числе. Похороны прошли без особых «инцидентов».

Рабочий класс, поддавшийся на несколько дней обаянию красивой сказки, получил жестокий урок. Рабочие обращались решительно всюду с вопросом: что же теперь делать? Один из «освобожденцев», рисовавшийся всегда своим всезнанием, отвечая пришедшим к нему с этим больным вопросом, не нашел ничего ответить, кроме слов:

— Не бейте стекол и не грабьте чужого имущества...

Единственный верный ответ давала социал-демократическая партия. Вспомнились теперь все предупреждения социал-демократов, которых не хотели слушать, которым не давали договорить. Авторитет и влияние партии возросли до громадных размеров.

В ответ на события 9-го января начались по всей Росии забастовки и волнения. Царь великодушно пожертвовал «из собственных средств» 50.000 рублей в пользу семейств убитых и раненых. Деньги эти предписано было выдать через полицию. Негодование рабочих было безмерно. Много было случаев резкого отказа со стороны вдов и сирот убитых принять несколь-

ко рублей от имени царя в уплату за кровь их близких.

Появился приказ Трепова о выборе 14 депутатов от рабочих для представления царю, который-де желает выслушать заявление об их нуждах. Предложить рабочим выбрать этих депутатов не осмелились и снабдили избирательными правами заводскую администрацию совместно с полицией. Выборы должны были быть произведены из числа «надежных» рабочих. Однако, число таких «надежных» с треповской точки зрения людей после 9-го января в рабочей среде не достигало 14 человек... Нашли, правда, несколько забитых и темных стариков, которые не посмели ослушаться приказания начальства. Число их до 14-ти дополнили агентами охранного отделения.

Речь царя к этим поддельным «депутатам» была помещена в газетах. Центр тяжести ее лежал в объявлении о пожертвовании 50.000 рублей семьям убитых и раненых и в приглашении повиноваться правительству и воздерживаться от выступлений, так как «это всегда влечет за собою неповинные жертвы».

После этого «депутатов» накормили пирогами, дали по бутылке пива и отправили назад в Петербург. Рассказывают, что после один из «депутатов» просил раздобыть ему какой-нибудь чужой или фальшивый паспорт, говоря:

— Уехать хочу. Житья на заводе не стало. И чтоб фамилии моей больше никто не знал

и не видел, что я по глупости моей к царю ездил...

Рабочие, участники 9-го января, наводнили письмами редакцию издававшейся тогда каким-то Стечкиным «Рабочей Газеты». Некоторые были полны грусти и своего рода поэзии, многие были бредом человека, сошедшего с ума от ужаса пережитых событий. Но большинство писем было таких, которые ясно показывали громадный рост сознания в рабочем классе, разбуженном залпами царских войск.

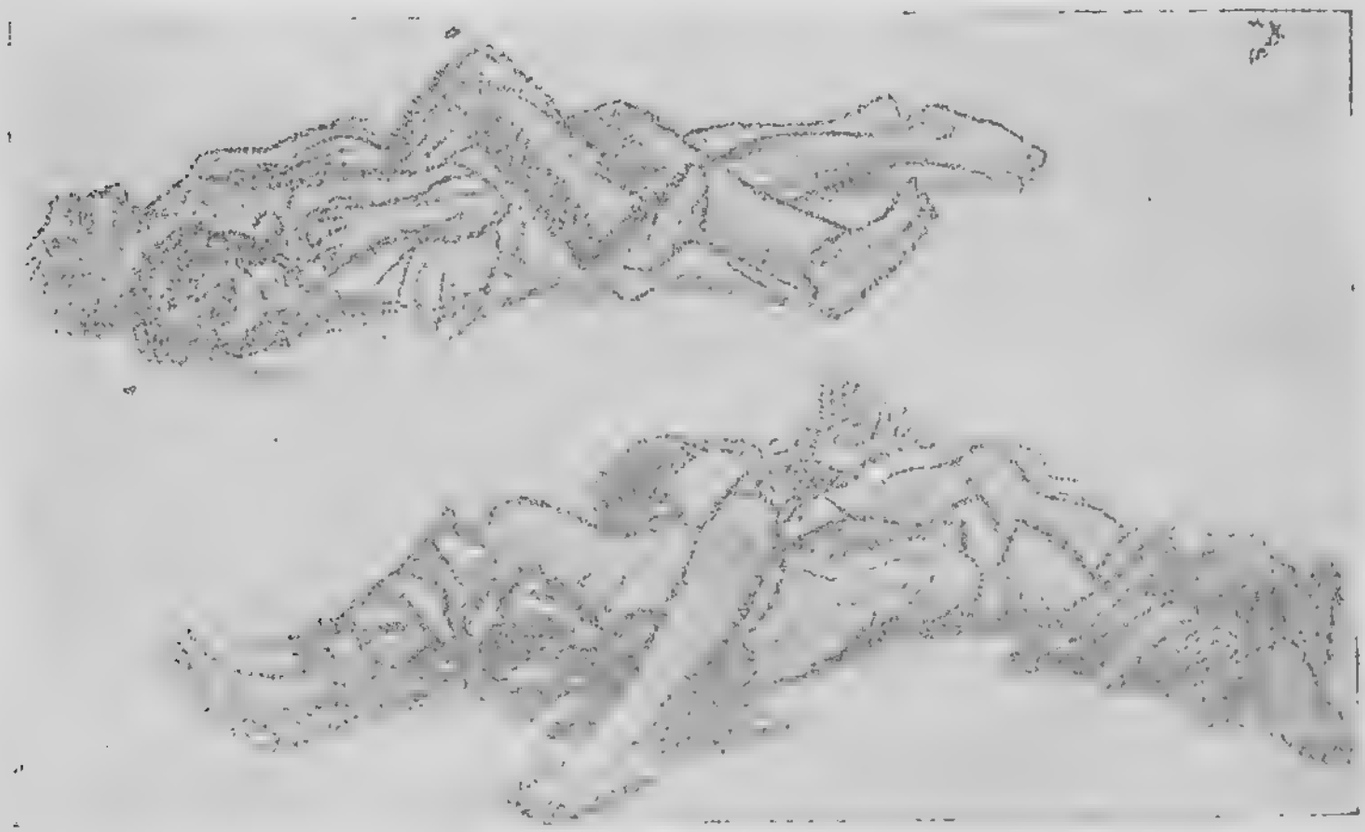
Один из тяжело раненых 9-го января рабочих писал:

«В больнице, когда я очнулся, душа кипела обидой, и была даже гордость, что мы—значащие люди, что это—только начало значения»...

Одна из общественных деятельниц Петербурга взяла к себе маленького мальчика, оставшегося круглым сиротой после 9-го января, так как отец его был убит. Мальчик чувствовал себя чуждым в непривычной обстановке, грустил, забивался в угол комнаты и сидел там часами, часто плакал. Желая его развлечь, ему купили игрушки и в том числе оловянных солдатиков... При взгляде на них мальчик разрыдался, закрыл глаза ручонкой и смог только показать знаками, чтобы их убрали... Они напомнили ему убийц его отца.

Передовыми кругами интеллигенции была организована специальная комиссия из лучших юри-

стов, обследовавшая события 9-го января, составившая на основании собранных неоспоримых фактических данных доклад о совершонном зверском преступлении, выяснившая исполнителей по именам, не касаясь, конечно, главного преступника,—самого царя,—отпечатавшая доклад и представившая его в сенат для привлечения виновных к ответственности. Конечно, никакого движения этот доклад не получил.



Заключение.

Читателю интересно знать: кто же был Гапон, что с ним стало, и как повели борьбу наши рабочие после «9-го января»?

Гапон был тюремным священником «Крестов» (так называлась одна из тюрем Петербурга).

Он, несомненно, был связан с полицейским «охранным» отделом, затем повел самоличную политику вопреки его указаниям.

Потеряв поддержку правительства, он понимал бессмысленность своей затеи (итти к царю), но остановить это было не в его силах: рабочие требовали действий, а не красивых слов.

Вынудив рабочих итти к царю,—это была его мысль,—он предал рабочих.

Гапон после «9-го января» бежал за границу. Выступая в печати и беседуя с социалистами Западной Европы, он показал себя ничтожным и невежественным в политике человеком.

Социалистическим настроениям Гапона не верили, все ждали, что, рано или поздно, в нем проснется охранник.

В этом не ошиблись: Гапон спустя несколько

месяцев снова возвратился в Россию, завел тайные сношения с царским правительством, стал получать денежные поддержки от графа Витте и, наконец, совершил предательство революционеров. За предательство он и был убит революционерами в окрестностях Петербурга.

Если до 9-го января 1905 г. рабочие и крестьяне верили «царю-батюшке» и думали, что он способен облегчить их горе и нужду, то кровавая баня, устроенная им, не только поколебала веру, но и навсегда оттолкнула от него трудящихся.

Как только разнеслась весть о расстреле рабочих, тотчас же во многих районах Петербурга стали сооружаться баррикады для оказания революционного сопротивления. Это означало, что рабочие взялись за революционные приемы отстаивания своих политических и экономических требований.

После «9-го января» мы видим, что не только в Петербурге, но и по всей России прокатилась широкая волна забастовок.

Стачки и забастовки велись с большим упорством: ни голод, ни нужда, ни угрозы администрации не могли приостановить волнения.

Рабочие перестали быть рабами, забыли внушенную Гапоном рабскую мысль «просить», научились требовать.

«9-е января» увеличило армию революционеров; рабочие, не участвовавшие ранее в революционном движении, теперь считали для себя позором оставаться в стороне от него.

«9-е января» научило рабочих бороться не только за улучшение своего существования, но и за изменение существующих государственных порядков, за свержение царя в первую очередь.

Стачки и забастовки перешли в открытое восстание — революцию 1905 г. Питер, Москва, Прибалтийский край геройски сражались с карательными отрядами царя, красное знамя взвилось и над черноморским флотом. Тысячи жертв вырвал царизм из передовых рядов рабочего класса. Революция потерпела временное поражение, но она сплотила рабочие массы, научила их революционной борьбе, которая и привела их к полной победе в октябре 1917 г., создав Советскую власть рабочих и крестьян во всей стране.

ЧИТАЙТЕ
КНИГИ ГОСИЗДАТА!

КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

РАССКАЗЫ, СТИХИ И ПЕСНИ.

Помголочка. Рассказ. Составил И. Скворцов . . . . Ц. 5 к.
Почитай и послушай про Павлушу с Андрюшей. Рассказ в стихах. Сост. И. Добржинский-Диэз. „ 5 „
Песни советских полей. Стихи. Составил Доронин. „ 10 „
Рабочая весна. Рассказы и стихи . . . . . „ 25 „
Поэт-пахарь. Спиридон Дмитриевич Дрожжин и его песни. С очерком его жизни И. Белоусова. „ 30 „
Пугачев. Рассказано Анной Шефер . . . . . „ 10 „
Савелий-Богатырь Святогорский. Соч. Н. А. Некрасова. Изд. 2-е. С рисунками . . . . . „ 6 „
Саранча. По рассказу Глеба Успенского, с краткой статьей о саранче и борьбе с нею. С 10 рис. Изд. 2-е . . . . . „ 7 „
Смена. Сборник рассказов. Составил Низовой . . . „ 15 „
Сборник стихотворений Некрасова . . . . . „ 30 „
Пчелы жужжат. Рассказ. Составила П. Дмитриева. С рисунками . . . . . „ 10 „

ПЬЕСЫ ДЛЯ ДЕРЕВЕНСКОГО ТЕАТРА.

Град. Пьеса в 2-х действиях. Составил П. Солнцев. Изд. 2-е . . . . . „ 5 „
Святой странник. Пьеса в 3-х действиях. Составила А. Шефер . . . . . „ 8 „

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Телеф. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-75.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Телеф. 99-06.

ГОСИЗДАТ

КНИГА КРЕСТЬЯНИНУ

НУЖНАЯ, ПОЛЕЗНАЯ, ДЕШЕВАЯ.

НАЙДЕШЬ В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

Наилучший подбор и тщательное составление дешевых библиотечек по сельскому хозяйству от **2** руб., по советскому строительству от **1** р. **50** коп., по общественно политическим вопросам от **2** руб.

ПОСТОЯННО ИМЕЮТСЯ НОВЫЕ КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

по политике, сельскому хозяйству, земельному и лесному законодательству, кооперации и т. д.

РАССКАЗЫ, СТИХИ, ПЕСЕННИКИ, ПЬЕСЫ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ТЕАТРА.

Избам-читальням, школам, клубам, кооперативным и профессиональным организациям наибольшая СКИДКА.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ЧЕРЕЗ 3 ДНЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА: МОСКВА, уг. Сретенского и Милютинского пер. „СКЛАД ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА".

Заказчики, ОБРАЩАЮЩИЕСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО в Отдел Почтовых Отправлений при Торгсекторе Госиздата, МОСКВА, Богоявленский, 4,

при высылке денег вперед до 1 р. (можно почтовыми марками),

ЗА УПАКОВКУ и ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТ.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и ПОСТУПИЛ в ПРОДАЖУ

КАТАЛОГ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

По первому требованию высылается БЕСПЛАТНО.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Телеф. 3-71-37.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-75.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Телеф. 99-06.

ЧИТАЙТЕ
КНИГИ ГОСИЗДАТА!

КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

ЖИЗНЬ НАРОДОВ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Как люди научились писать, читать и печатать книги. Составил В. Язвицкий. С 20 рисунками. . . . . Ц. 7 к.

Япония. Как живут японцы. Составил Андреевский. С рисунками. . . . . „ 12 „

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-75

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Тел. 99-03.

ЧИТАЙТЕ
КНИГИ ГОСИЗДАТА!

КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

ЗАКОНЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК.

Бумажные деньги. Составил В. Смушков. . . . . Ц. 5 к.

Закон ы о земле. Составил И. Каржанский. Изд. 2-ое, дополн . . . . . „ 12 „

Как самому вести земельные дела. С приложением образцов заявлен й, жалоб, исковых прошений и других деловых бумаг. Составил И. Каржанский. . . . . „ 15 „

Как крестьяне устраивают у себя электричество. Составил А. Кравченко. С 11 рисунками. . . . . „ 6 „

Неурожай и народное хозяйство. Доклад А. Рыкова. . . . . „ 7 „

Новые твердые деньги. Составил Д. Миронов. . . . . „ 5 „

Положение о едином сельскохозяйственном налоге. Составил П. Гуров. „ 55 „

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-73.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Тел. 99-06.

ЧИТАЙТЕ
КНИГИ ГОСИЗДАТА!

КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

КАК БОРОТЬСЯ С БОЛЕЗНЯМИ.

Здоровье детей. Беседы о детских болезнях и об уходе за грудным ребенком. Составил д-р Ф. Россинский. С 8 рисунками. . . . . „ 10 „

Как наше тело борется с жаром и холодом Составил М. Гремяцкий. . . . „ 10 „

Кликуши или порченные, и как их лечить. Составил врач В. Дмитриев. С 2 рисунками. . . . . „ 5 „

Невидимые работники (жизнь микробов). Составил проф. В. Михайлов. С 5 рисунками. . . . . „ 5 „

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БОРЦОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Большая душа. (Надежда Константиновна Крупская). . . . . „ 18 „

Калинин, Михаил Иванович (жизнеописание). . . . . „ 12 „

Чапаев (повесть в переделке Виноградской). Составил Фурманов . . . . „ 40 „

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-75.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Тел. 99-06.

ЧИТАЙТЕ
КНИГИ ГОСИЗДАТА!

КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ВЫПИСЫВАТЬ:

О БОГЕ И ЕГО СЛУЖИТЕЛЯХ.

Антипка звонарь. Сборник песен и рассказов. . . . . „ 12 „

Матвей с голодной горки (Попутчик). Рассказ финского писателя-крестьянина Петра Пайваринты. Изд. 2-е. „ 5 „

О боге и богослужении (происхождение разных вер). С 16 рисунками. Составил Валерий Язвицкий . . . . . „ 15 „

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4 Тел. 3-71-37.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, Проспект Володарского, 64. Тел. 2-15-75.

СКЛАД ИЗДАНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
МОСКВА, уг. Милютинского и Сретенского пер. Тел. 99-06.